

— Это тоже верно... — Цзи Исянь не мог понять, что чувствует отец, узнав, что его младшего сына убил собственный старший сын.

Янь Цзиньюнь рассказал Цзи Исяню, что старейшина Янь передал ему свои акции. Услышав это, Цзи Исянь тут же придумал план.

— Раз уж так, — глаза Цзи Исяня забегали, — продолжай притворяться инвалидом в ближайшие дни. Когда дедушку будут выносить хоронить, встань и объяви, что хочешь несéти его портрет вместо ушедшего из жизни отца. Когда ты поднимешься с инвалидного кресла, все присутствующие будут в шоке.

— Янь Чжихуэй, тот старый лис, даже если и удивится, то сдержится. А вот Янь Минцзюэ, этот пустоголовый дурак, — другое дело. Он наверняка разозлится из-за того, что ты его обманул.

— А когда там будут все друзья и родственники, полным-полно гостей, он — этот самый «любящий брат», который перед чужими людьми всегда распинается о братской любви, — не только не обрадуется за тебя, но и придет в ярость.

— Эта картина... — Цзи Исянь не договорил, одной мысли об этом хватало, чтобы представить себе всю драматичность сцены. — Но тут есть один минус: это испортит настроение дедушке, и он не сможет спокойно уйти в мир иной. Давай лучше так не делать.

Выслушав Цзи Исяня, Янь Цзиньюнь подумал, что раньше, когда другие говорили о родственных душах, он не верил в их существование. Теперь он поверил.

Цзи Исянь и был его родственной душой, ведь они думали об одном и том же.

Янь Цзиньюнь провел ладонью по зажившей ране на голове Цзи Исяня, где уже начали пробиваться волосы, и улыбнулся:

— Мы с тобой на одной волне.

— Правда? — Цзи Исянь широко распахнул глаза и рассмеялся. — Мы с тобой действительно единомышленники! Но хорошо ли так поступать?

— Думаю, дедушка не будет на меня в обиде.

В глубине души Цзи Исянь очень хотел этого. Ему нравились моменты, когда противника можно было унижить. Он улыбнулся, уютно устраиваясь в объятиях Янь Цзиньюня, и провел рукой по его груди:

— Янь Цзиньюнь, теперь, когда я рядом, ты больше не будешь одинок.

Янь Цзиньюнь крепче обнял Цзи Исяня, прижимая его к себе, и подбородком коснулся его макушки:

— Угу.

Они стояли у панорамного окна, перешептываясь.

— Завтра, когда выйдешь из дома, собери волосы в маленький хвостик. Звезды называют это как-то по-особенному... а, «яблочный хвост». Не носи постоянно шапку, слишком жарко, заработаешь потницу — и того не стóит.

— Угу. Скажи мне честно: эта лысина на голове выглядит ужасно?

— Нет. Ты такой красивый, такая мелочь никак не повлияет на твою внешность.

— Правда?

— Правда.

Снаружи поднялся вечерний ветер, в траве один за другим раздавались звуки насекомых, листья дикого винограда раскачивались на ветру. На небе не было видно луны, лишь звездная река, словно серебряная.

Похоже, завтра — нет, уже сегодня — будет хорошая погода.

Траурная церемония по старейшине Янь длилась семь дней. Все это время Янь Цзиньюнь продолжал изображать инвалида. Он вернулся домой только в первую ночь, а все последующие дни провел у гроба бабушки, неся стражу.

Эти похороны, организованные Янь Чжихуэем, прошли с невероятной помпезностью. Завтра старейшину должны были предать земле. Место на кладбище уже подготовили, оно находилось рядом с могилами родителей Янь Цзиньюня.

В канун похорон проводилось множество обрядов, длившихся до глубокой ночи. Сегодня была последняя ночь. Янь Цзиньюнь и Цзи Исянь находились в зале для прощания, там же был и Янь Минцзюэ, старший внук.

Присутствовали и другие родственники. Янь Минцзюэ в этот момент сидел рядом с Янь Цзиньюнем, с торжествующим видом мелкого спекулянта:

— Янь Цзиньюнь, теперь, когда бабушка умер, тебе придется смириться с судьбой.

— Янь Минцзюэ, почему мне кажется, что ты так рад смерти бабушки? — не успел Янь Цзиньюнь открыть рот, как Цзи Исянь первым вступил в перепалку. — Ты, как старший внук, проявляешь чересчур мало сыновьей почтительности.

— Что ты несешь чушь! — прикрикнул Янь Минцзюэ на Цзи Исяня. — Кто сказал, что мне не тяжело?

— А я не чувствую, что тебе тяжело. У тебя еще и время находится, чтобы издеваться над двоюродным братом. Тебе вообще не грустно, но если уж притворяешься, то делай это хоть как-то похожим! Пропей хотя бы пару крокодиловых слез, — тихо ругал Цзи Исянь Янь Минцзюэ.

— Погляди на себя, этот довольный вид просто с тебя сдает.

— Цзи Исянь, не веди себя слишком развязно! Это дом семьи Янь, а не место для твоих выходок, — Янь Минцзюэ сверлил Цзи Исяня взглядом. Если бы в зале для прощания не было людей, он бы уже набил ему морду. Ему давно не нравился Цзи Исянь, и он постоянно искал повод проучить его.

Помыслы Янь Минцзюэ были ему понятны. Не дожидаясь, пока тот начнет действовать, Цзи Исянь нанес упреждающий удар: схватил чашку с чаем, стоявшую рядом, и плеснул содержимое в лицо Янь Минцзюэ.

— Ой! Старший брат, прости, я нечаянно! — Цзи Исянь тут же встал и сделал виноватый вид,

извиняясь перед Янь Минцзюэ. — Я просто увидел, что тебе так тяжело, захотел принести тебе воды попить, да руки дрогнули, пролил на тебя.

— Цзи Исянь, ты сделал это нарочно! — Янь Минцзюэ стирал с лица чайные листья, весь в ярости.

Остальные люди в зале, услышав шум, тут же обернулись.

— Что случилось? Что произошло?

— О, я случайно пролил чай на старшего брата, — Цзи Исянь был большой звездой, и актерская игра для него была сущим пустяком. Он выглядел так, словно и правда не хотел этого, его лицо было полно раскаяния, поэтому старшие родственники ничего подозрительного не заметили.

— Пролил — иди переоденься, — один из пожилых родственников был очень недоволен шумным поведением Янь Минцзюэ. Он бросил на него косой взгляд и сказал:

— Какое дело шуметь в зале для прощания? Ты уже взрослый человек, а ведешь себя так нестойко.

Янь Минцзюэ молча проглотил обиду и ничего не мог ответить. Если бы он сейчас заявил, что Цзи Исянь плеснул на него специально, ему бы никто не поверил. Приходилось терпеть.

Когда взгляды старших отвелись, Цзи Исяню показалось, что этого мало. Он еще раз показал язык Янь Минцзюэ и тихо прошептал:

— Доведу до белого каления.

— Ты! — Янь Минцзюэ разозлился еще сильнее. Он указал пальцем на Цзи Исянь и с угрозой произнес:

— Ты запомнишь это.

— И что с того? Что ты мне сделаешь?

При стольких людях Янь Минцзюэ не мог начинать ссору с Цзи Исянем. Он махнул рукой и ушел в дом переодеваться.

Когда Янь Минцзюэ ушел, Янь Цзиньюнь посмотрел на Цзи Исяня и с сожалением покачал головой:

— Зачем ты связался с ним?

— А он сам ищет, к бы придраться, любую возможность, чтобы уколоть тебя, — фыркнул Цзи Исянь. — Пока я здесь, никто не посмеет тебя обижать.

— Дурак.

На следующее утро дом семьи Янь огласила траурная музыка. Янь Цзиньюнь и Цзи Исянь, одетые в траурные одежды с повязками по голове, стояли в шеренге внуков, выражая соболезнования и провожая старейшину Янь в последний путь.

Настало время, гроб нужно было выносить из дома. Янь Чжихуэй как сын, а также племянник

старейшины были назначены нести гроб. Когда кто-то крикнул, чтобы внуки вышли нести портрет, Янь Цзиньюнь и Янь Минцзюэ заговорили одновременно:

— Я!

— Я!

Они оба заговорили в один миг. Ведущий церемонию решил, что Янь Цзиньюнь просто хочет проявить почтение, и сказал:

— Цзиньюнь, тебе в инвалидном кресле неудобно, пусть твой старший брат понесет портрет.

Янь Минцзюэ тоже подхватил:

— Да, брат, послушайся дядюшек. В такое время, даже если ты не понесешь портрет, дедушка не усомнится в твоей сыновней почтительности. Главное, тебе сейчас неудобно на ногах, а тот, кто несет портрет, должен идти впереди всех. Если ты будешь в коляске, тебя придется толкать, а вдруг мы опоздаем ко времени, для дедушки это будет нехорошо.

— А кто сказал, что меня нужно толкать? — Янь Цзиньюнь косо посмотрел на Янь Минцзюэ и холодно усмехнулся. — Мои родители умерли, поэтому портрет дедушки должен нести я.

— Если ты сам будешь крутить коляску, это займет еще больше времени, — вмешалась мать Янь Минцзюэ, отчитывая Янь Цзиньюня. — Не создавай лишних проблем в такой ответственный момент. Когда дедушка лежал в больнице, я не видела, чтобы ты проявлял сыновью почтительность, а теперь пришел строить из себя хорошего внука.

Как только старшая госпожа Янь это сказала, гости почувствовали, что её слова были чересчур резкими, но никто не проронил ни звука.

— Раз раньше я не проявлял сыновней почтительности, то сейчас должен восполнить это, — закончил Янь Цзиньюнь и, игнорируя удивленные взгляды присутствующих, встал с инвалидного кресла, подошел к передней части зала для прощания и взял в руки портрет старейшины Янь.

<http://bllate.org/book/16731/1539128>